

Моск. коллекция

МЕЧТА

1981, июль, № 257

О ГАРМОНИИ

В Третьяковской галерее открыта выставка произведений Александра Иванова, посвященная 175-летию со дня рождения художника.

В ту пору в Петербургской Академии художеств начинали обучать с детских лет. Однажды к воспитанникам младшего класса, затынутым в синие мундирчики из грубого сукна, привели их нового товарища. Его звали Александром, он был сыном академического профессора, и начальство высочайше позволило ему посещать занятия.

Всем сразу бросилась в глаза бархатная курточка с большим отложным воротником рубашки, ладно сидевшая на мальчишке небольшого роста, коренастом, широкоплечем, с выющимися русыми волосами и голубыми глазами.

И позднее он резко отличался от других учеников. Но не только внешним видом. Подросток сторонился сверстников, не участвовал в их проказах, оставаясь замкнутым и находясь мыслями где-то далеко.

Таким он был и в зрелые годы, вызывая сетования знакомых. Неповоротливый, медлительный, всегда погруженный в глубокую думу и своим кротким взглядом как бы просящий извинения за нее...

Рисовал Иванов отменно, и Общество поощрения художников, основанное к тому времени несколькими меценатами, направило его на свои деньги в Италию для совершенствования в искусствах.

Благодатная южная страна-музей с ее бойким и радушным народом влекла к себе русских людей, искавших здесь душевной гармонии, чистых вдохновений и свободы от стеснительных и оскорбительных условностей петербургского придворного и чиновничьего быта.

В благословенные края, «где неба своды сияют в блеске голубом, где тень олив легла на воды», уносился в мечтах Пушкин.

Адриатические волны!

О, Брента! нет, увижу вас,

И, вдохновенья

снова полный,

Услышу ваш волшебный

глас!

Свое понимание гармоничной, мудрой и чувственно привлекательной жизни Иванов выразил в написанных им итальянских пейзажах. Никто до него не передавал так тонко воздух и свет.

И сейчас взгляд зрителя захватывают голубая тень на земле, видимая сквозь трепетную листву в пейзаже «Деревья в парке Гиджи»; почти осязаемый туман в этюде «Понтийские болота».

А в знаменитой «Ветке» передано не только живое течение света и воздуха, но и изменение цвета листвы в зависимости от того, как па-

дают на нее лучи солнца.

Все это были поразительные открытия в живописи, уже достаточные для того, чтобы творчество Иванова заняло видное место в истории мирового искусства.

Но художник стремился к большему. Глубоко пораженный нравственными пороками и социальными контрастами своего века, он мечтал создать картину, которая послужила бы для людей роль путеводной звезды к истине.

Молодому Иванову казалось, что эта истина заключена в христианском учении.

Художник задумал написать картину «Явление Христа народу» и отдал этому колоссальному труду многие годы, исполнив десятки подготовительных этюдов и эскизов, которые сами — шедевры живописи.

Зрителя захватывает образ природы, необычайный простор, наполняющий полотно, величавая и прекрасная гармония неба, земли и воды. Все здесь естественно и согласно друг с другом, молодые ростки и засыхающие ветви, близь и даль.

По первоначальной мысли Иванова подобная гармония должна нравственно объединить и породнить самых разных людей, выведенных толпой перед зрителем. Еще недавно разрозненная, бурливая, она будто на наших глазах обрела стройные очертания, и к единодушию приходят старцы и юноши, бедные и богатые, хозяин и раб.

Так хотелось художнику. Но чем зорче он всматривался в действительность, желая найти в ней подкрепления своим мечтам, тем более разочаровывался в спасительной миссии христианства и в своем труде. Картина осталась незавершенной.

Живописец поехал в Лондон к русским революционерам — эмигрантам, стремясь найти у них ответы на вопросы, мучившие его ум и совесть.

«Мир души моей расстроился, — говорил он Герцену, — сыщите мне выход, укажите идеалы. События, которыми мы были окружены, навели на меня ряд мыслей, от которых я не мог больше отделаться, годы целые занимали они меня, и когда они начали становиться яснее, я увидел, что в душе нет больше веры. Я мучаюсь о том, что не могу формулировать искусством, не могу воплотить мое новое воззрение»...

Последующим поколениям Иванов щедро передал свой богатый духовный опыт, свое благородное творчество.

И. КУПЦОВ.